

«Как рассказать»

Каждую весну, вот уже пятый год подряд, Григорий брал отпуск и уезжал на весеннюю рыбалку, на Дон.

Он работал на заводе сварщиком-монтажником, имел жену и двоих детей, дочку и сына. Заводское начальство и домашние к его прихоти относились с усмешкой, но снисходительно. Так, как и должно по-человечески относиться к странной, но никому особо не мешающей блажи сорокалетнего мужика, хорошего работника и доброго семьянина.

Отпуск он брал на десять дней и всегда управлялся, не опаздывал. К сроку приезжал, привозил немного вяленой рыбы, с полсотни чехони да синьги в соли; ухитрялся даже свежей, судаков привозить, разделанных и подсолённых, ведь время уже стояло тёплое. Но привозил.

Домашние уху и судачка отварного ели да похваливали. Соседи по дому завистливо глядели, когда Григорий в положенный срок вывешивал сушиться на балконе не московских пескарей, а сабельную чехонь да синца – добрую донскую рыбу, которая при хорошей вялке светится на солнце насквозь.

И сам Григорий за эту неделю здоровел, лицо и руки покрывались загаром, веселее он глядел. И жена радовалась, потому что здоровьем её мужик похвастать не мог. Родился он в войну, отца с матерью потерял, рос в детдоме да ФЗО в голодные годы – теперь это, видно, всё и отражалось.

Нынешний год, как и все прежние, Григорий с конца февраля начал внимательно телевизор глядеть, программу «Время», когда о погоде говорили. Он даже записывал температуру на особой бумажке. И в «Известиях» следил за последней страницей, где о погоде всегда подробно сообщали. Ему нужно было, чтобы Дон вскрылся, и лёд пронесло, и немного потеплело.

Но в нынешний год весна припоздала. Пришёл март, и апрель потянул, а всё холода, холода стояли. Григорий нервничал, томился. Всё уже лежало наготове: снасти, целлофановые мешки для рыбы, кое-какие харчишки, немного гостинцев для ребят знакомого, у которого Григорий всегда останавливался. Всё было готово.

И, наконец, грянуло. На юге весна началась. Григорий купил билет, заявление написал т свои десять дней и поехал.

Поезд уходил из Москвы к вечеру, с Казанского вокзала. Летели мимо знакомые платформы Подмосковья. А утром за окнами лежала уже иная земля, весенняя. Весенний ветер летел над чёрной пашней. Оглашенно орали грачи в станционных скверах. Оранжевые тракторы с красными сеялками ползали по

полям. И Григорий начал волноваться. Он усмехался, но ничего не мог с собой поделать. Чаще курил. И всё думал, как он приедет, как по улице пойдёт, откроет калитку. О встрече думал и невольно улыбался: хорошо ему было.

Как и всякий человек, с малых лет не знавший родни, Григорий жалел об этом. Он всегда завидовал людям, у которых кто-то был в другом городе. Он иногда мечтал, в молодости, конечно, больше, но и сейчас мечтал, а вернее придумывал себе какую-то родню. И представлял, как он едет туда, подарки берёт, приезжает. И какая радость: ведь столько не виделись, разговоров сколько... Очень ему хотелось в гости приехать, к родным. Но родных не было. А может, и были, да потерялись в войне! В детдом он попал мальчонкой и, конечно, ничего не помнил. Какая уж родня...

Но теперь, когда дети его росли и выросли, Григорий часто думал о той поре, когда дочка и сын своими семьями заживут, в других городах. И вот тогда к ним можно будет ездить в гости. Да и у невестки, у зятя, конечно, будут родители, время-то мирное. Тогда можно и погостить. Он как-то жене рассказал, она смеялась и ругала его: «Дурной... Пусть они здесь живут, возле нас, в Москве, а ты их куда-то за тридевять земель гонишь... Тоже мне отец...» Он спорить не стал. Но про себя всё же думал, что хоть один, да уедет.

И сейчас, в вагоне, когда поезд подходил к Волгограду, Григорий начинал волноваться. Он боялся опоздать. И потом, на автовокзале, нервничал: ему быстрее хотелось уехать, а не ждать здесь. Билетов на ближайший автобус не было, и он упросил шофёра и ехал стоя. Отмахав тысячу вёрст, он не мог ждать последнего шага, каких-то пятьдесят-шестьдесят километров.

В Новом Рогачике, как раз на середине пути, много людей сходило, и тогда он сел в кресло и глядел в окно. А за окном стояла настоящая весна. Зеленело что-то в полях. И обочины начинали зеленеть. И в придорожных селеньях люди копали землю, что-то сажали, наверное, картошку. И Григорий успокоился, понимая, что и нынче приехал вовремя, не опоздал.

Посёлок, куда он спешил, стоял на Дону, но был невзрачным, незавидным: маленькие дома, грязные улицы, единственная нитка разбитого асфальта.

Но что посёлок, что дома его...

От автобусной станции вела прямая дорога, в три квартала. Григорий быстро дошёл, отворил ветхую калитку. На крылечке чемодан поставил и закурил.

Дверь была заперта на щеколду, значит, хозяйка во дворе. Григорий сел на крыльцо и курил, ожидая. Какая-то неловкость подступала, робость: как-никак, а приехал он в чужой дом.

– Приехал, Гриша! Опять приехал... – наконец раздался от сарая голос. – Приехал...

Григорий встал, засмеялся, глядя, как спешит к нему, торопится старая женщина в тёплом платке, фуфайке.

– Да вот приехал, тётя Варя... Примешь?

– Такого гостя да не принять, дорогого... – голос женщины дрожал, и она начинала плакать.

– Будет, тётя Варя, слёзы-то лить... – успокаивал её Григорий.

Они встречались уже который раз, пятую или шестую весну, но приладиться не могли вот в этом, первом шаге, в первые минуты встречи. Тут получалась какая-то заминка, неловкость. Обниматься им было не с руки, потому что они были совершенно чужими людьми друг для друга. И просто ручкаться – неловко, уж больно по-холодному. И потому они лишь здоровались, глядели друг на друга, говорили какие-то слова – тем и кончалась встреча. И нынче было, как всегда. Постояли, тётка Варя всплакнула, Григорий курил.

А дальше всё шло как по писаному.

– Пошли, Гриша, в хату, – сказала хозяйка. – Прямо как ждала тебя. Щей нынче хороших наварила, со свининой. Тут по соседству кабана зарезали, ну, я и взяла немного. Да столько щей наварила, одной и за неделю не поесть. Значит, господь подсказал...

За обедом шёл обычный разговор. Тётка Варя расспрашивала о жене да детях, Григорий – о местных новостях да о здоровье.

Здоровье у тётки Вари получшать не могло, восьмой десяток годков она уже разменяла. И все местные новости объявились тотчас же, как только вышел Григорий в огород.

– Приехало моё хорошее дитё! – зашумела, и засморкалась, и заплакала соседка тётка Маня. – Ты глянь! Ты глянь, кто приехал! – кричала она своему глуховатому деду. – Ты погляди! Вот чёрт глухой, пока тебе дошумишься, горлу надорвёшь! А мы тут, – жаловалась она Григорию, – так зиму бедовали. Попереболели все, думали, помрём. Да насилочки тепла дождались! Хороший мой... да какой ты хороший... – снова заплакала она. – Жалеешь нас, старых

дураков. Вот за что тебе такая счастья? – перекинулась она к тётке Варе. – Такого человека тебе бог подослал, золотого... Ты погляди откель, из каких краёв едет... Наши родные рядом, да не придут, не дошумишься их. Я тут семечков нажарила, на, погрызи, – угощала она щедрой горстью.

Была тётка Маня тоже стара, поговорить любила, поплакать, пожаловаться, деда поругать, поучить соседей уму-разуму – в общем, жила – не скучала и другим скучать не давала.

И из другого соседства, из-за забора, дядя Саша выглядывал. Всю зиму нестриженный, седой. Белые редкие космы его дыбом стояли, ветром раздутые. Цigarка изо рта торчала. Старик посмеивался, выказывая единственный тёмный зуб, шутиливую гордость свою: «Кто как, а и у нас есть чем кусать».

– Приехал, молодец, – сказал дядя Саша, когда Григорий к нему подошёл и поздоровался. – Крючков привёз? Молодец... Я тут всю зиму щук таскал. Во-от таких... – Он не врал, он был рыбаком. И лицо его, тёмное от зимнего ветра, за себя говорило. – А сейчас рыба пойдёт. Червяк уже есть, я набрал червя. Так что давай готовься... Сегодня и пойдём.

– Пойдёшь... Я тебе пойду, – умеряла его прыть жена, тучная приземистая старуха. Она плохо ходила, обезножела. Но в нужный момент выглядывала из-за кухни. – Копай да картошку сажай. И помидоры уж добрые люди высадили. Все твои удочки поломаю. Здравствуйте, с приездом вас, – здоровалась она с Григорием. Она его всегда на «вы» называла. – Помогать приехали? – Что-то было в её голосе нехорошее. Казалось, на что-то она намекала. Ну, да господь с ней. Ведь Григорий и в самом деле приехал помогать. И в прошлом году приезжал, и в позапрошлом, и всё эти годы подряд.

– Шесть лет назад таким вот весенним днём впервые попал Григорий к тётке Варе. В ту весну приехали они вчетвером на местный судоремонтный заводик в командировку, монтировать кран. Дело уже подходило к концу, пора было к отъезду готовиться, и искали они рыбы, вяленой, готовой. Указали им на дядю Сашу, известного рыбака. К нему они и пришли. Пришли и в огороде застали. Там и разговаривали.

А рядом, за дощатым штакетным забором, копала землю старая женщина. В тёплом платке, в сером ватнике... Как тяжело ей давалась каждая лопата! Копнёт несколько раз – и встанет. И стоит, грудью опершись на черен, дышит тяжело, со всхлипом; продышится и снова копает. И опять стоит, жадно хватая ртом воздух. Глядеть на неё было нехорошо.

С дядей Сашей поговорили, и он пошёл проводить их за двор. Закурили на дорожку, за воротами. А Григории всё глядел на старуху. Теперь она была далеко, в огороде. И тяжкого дыхания её не было слышать. Но как немощно стояла она, опершись на черен! И куда-то смотрела.

– Она что, одна живёт? – спросил Григорий у дяди Саши.

Тот не сразу понял его. А поняв, вздохнул:

– Одна. Мужик помер. Дочка была... Где-то...

– А зачем она копает, через силу?

– А как же... Картошку сажает.

– Слушай, – сказал Григорий товарищу. – Давай ей поможем. Посадим эту проклятую картошку, чего она мучается, – болезненно сморщился он.

– Давай, – легко согласился товарищ, – давай поможем.

Они отворили калитку и вместе с дядей Сашей пошли в огород.

– Вот помощников тебе привёл, – сказал дядя Саша соседке. – Гляди, какая рабсила.

Старая женщина не обрадовалась, а испугалась.

– Нет, нет, – затрясла она головой. – Нечем у меня платить, нечем. Нету денег, ребята.

– Не надо нам никаких денег. Мы просто помочь...

– И самогону я не варю, ребята. Нету...

Насилу ей втолковали.

Вторая лопата нашлась. И дело пошло.

– Во, во! Это по-ударному... Давай, давай! – подзуживал со своего огорода дядя Саша. – Переходи на четвёртую, на ударную скорость.

Погода стояла хорошая, солнце. Разохотились и работали вовсю. И, считай, за два часа землю вскопали и посадили картошку, пять вёдер.

Тётка Варя сначала поверить не могла, потом суматошилась да благодарила. И, конечно, собрала на стол. Чем она могла угостить? Хозяйство было вдовье, старушечье. И бедность, опрятная, но бедность, глядела из углов.

Варёная картошка да огурцы солёные, яишенка с салом. И, конечно, бутылку выставила. Бутылку водки.

– На чёрный день берегу, – объяснила она. – Може, свет не будет гореть. И вот трубу почистить. Колонка, не дай бог, поломается. Кого позови, без бутылки не придут. Вы уж сами откройте, – она стаканчики достала.

Григорий с товарищем переглянулись.

Господи... Да разве можно было пить это горькое стариковское вино... И не пить было нельзя, нельзя было подняться и уйти, хлеба не откушав.

Григорий нашёлся. Он объяснил работу свою, на высоте, при которой водки нельзя и нюхать, сбегал в соседний магазин за пивом. И посидели они, пива выпили. Славно посидели, поговорили. Хозяйка их благодарила, благодарила и доброго им пожелала на семь колен вперёд.

А когда уходили, она заплакала. Стояла у калитки, уже попрощавшись, и слёзы текли по её лицу, и она их промаргивала, улыбаясь виновато, и сглатывала комок, подступающий к горлу.

Эти слёзы Григорий запомнил и ещё дважды заходил к тётке Варе. Почистил бак для воды, покрасил, насос подладил.

Потом он уехал. Уехал и будто забыл этот далёкий посёлок.

Пришла новая весна. И вдруг вспомнилась однажды тётка Варя. Вспомнилась и из головы не уходила. Так ясно виделась Григорию весенняя земля, огород, солнце, синева неба и старая женщина, что из последних сил копает и копает землю. Вот, кажется, сейчас упадёт. Задохнётся и упадёт, ткнувшись головой в мягкую копань. Упадёт и не встанет. Но нет... не падает. Обопрётся на черен лопаты, отдышится – и снова за труды.

Так ясно вспомнился прошлогодний май. Как после трудов за столом сидели, беседовали. И благодарные слёзы у ворот, на прощанье. Но чаще виделось, как копает тётка Варя, мается.

«Да господи, мало ли кто на белом свети мучается», – говорил Григорию трезвый голос. Но сердце помнило, и не хотело забыть тётку Варю, и болело о ней.

Может, виною тому было его собственное сиротство. Горькие дни... Сейчас, издалека, та жизнь казалась Григорию уж не такой и тяжкой. Детдом... ФЗО... С голоду не помер. Вышел в люди. Но сколь было там беды! Как рассказать... И какими прекрасными были счастливые дни.

Молодой моряк повёз их в цирк. Двух ребятишек. Как это случилось?.. Забыто... Но прекрасен был день счастья. И до смерти не забыть радость льдистого мороженого, круглого, на хрустких вафельных пятачках. Имени моряка не забыть – дядя Вася.

Когда учился Григорий в ФЗО и на заводе первую практику проходил, то контролёр тётя Катя пирожками его кормила каждый день. Серые, печёные, с капустой. Он утром лишь глаза открывал – радовался: «Пирожки тётя Катя принесёт...» На завод спешил и знал: «Пирожки тётя Катя...»

А если разобраться, то какие труды? Для моряка – два-три часа да копейки на мороженое. Для тёти Кати – пяток лишних пирожков испечь. Дело невеликое, малое...

Но, боже, какая малость порой нужна человеку для счастья! Мороженое со льдом, пирожок с капустой, вскопанная деляна земли... Как рассказать...

А что ему, Григорию, что для него значит несчастная полсотня на дорогу? Что неделя отпуска? Ещё двадцать дней останется, не считая отгулов. Больше, чем у жены. Да и эта неделя не пропадёт, ведь он отдыхать будет, без завода, на воле. Отдыхать, свежим воздухом дышать. Разве мало?

Промучившись день и другой, Григорий решился. Он ещё не знал, как скажет о своём приезде тётке Варе. Он жене объяснил всё заманчивостью весенней рыбалки на Дону, усталостью, и она поверила. Он взял десять дней отпуска, полсотни рублей на дорогу, удочки собрал немного гостинцев и поехал.

И всё получилось хорошо. Тётке Варе он рассказал о трудной работе, о болезнях, о врачах, которые прописали свежий воздух. А по совести, ведь он немного и соврал. Работал он сварщиком, работал много, газами да гарью дышал день-деньской. И ей-богу, не грех ему было свежего воздуха лишний раз хлебнуть.

Всё получилось хорошо. Тётка Варя поверила, поверили и соседи. И теперь каждый год, по весне, приезжал он сюда всё более своим человеком. Приезжал ровно на неделю и точно в тот срок, когда начинались огородные работы.

В тётки Варином нехитром хозяйстве дел было немного для сильных мужичьих рук. Дел было, как сам Григорий со смехом установил, пять с половиной: посадить в огороде картошку, насос для воды поставить и бак, деревья окопать и подрезать, курам летний загон устроить, почистить печку. Всё остальное – мелочи, хоть и немало набиралось этих мелочей.

Григорий работал неторопливо, некуда было спешить. Поднимался он рано и весь длинный день был на воле. Копал, сажал, чистил курятник, красил бак,

возился с насосом или просто сидел, покуривая и поглядывая по сторонам. Малые домики стояли вокруг, низкие заборы, голые деревья, и потому просторно так было, далеко виделось и слышалось всё: шалый воробыный крик, сорочье стрекотание, мерный голос пёстрого красавца удода, людской говор.

С хозяйкой он беседовал как-то мало, она была не особо разговорчива. А вот соседка тётка Маня любила поговорить.

– Встал, мой хороший? – встречала она его поутру. – За работу принимаешься? Молодец. А я тебе семечков нажарила, погрызи...

Она в первый же приезд беззастенчиво выпросила Григория обо всём.

– Ты, може, одинокий? – интересовалась она. – Или с семьёй плохо живёшь? А болезнь у тебя какая?

Григорий ей всё рассказывал как на духу и про болезнь подробно придумал.

– Ты, може, хочешь, чтобы она тебе дом отказала после смерти? Так у неё дочка есть да племянница.

Григорий после этих слов так откровенно и долго хохотал, что тётка Маня ему поверила:

– Смеись, смеись... Это ты вот такой, простодырый. А люди по-всякому...

Приходил и муж её, дядя Петро, старик глуховатый и рассудительный. Приходил он обычно после газетного чтения, рассказать и поделиться.

– Чего это Картер думает! – кричал он. – Забыл про войну. У нас тоже сила! Как шарахнем! Или он думает в бомбоубежище укрыться? Всё равно достанем! Гитлер тоже укрывался! – После дел международных он к районным переходил.

– Чего ты к человеку пристал?! – сердилась тётка Маня. – Глухая тетеря! С газетами своими! С тобой говорить, горлу лужёную иметь надо!

Григорий её останавливал, заступаясь за старика. Тётка Маня уходила и издали, не стерпев, говорила:

– Это ты жалеешь его. Всех нас, старых дураков, жалеешь, – и начинала плакать.

Любила она поплакать. А может, дело не в этом, просто – старость. Она смерти боялась. Часто заговаривала о ней.

Каждый день перед вечером она приходила в соседкин двор с долгим гостеванием.

– Мой уже ляг,– сообщала она. – Чаю попил, два яичка съел и улёгся. А я не хочу в хату. Так на воле расхорошо.

На воле было хорошо. Рассеянный свет вечерний, тепло, покой. Старые женщины садились на скамейку, и начинался разговор. Немного новостей, а потом долгие рассказы о прошлом, о былом. Далёкое детство, давно умершие матери, ушедшие дети, война и беды, малые радости...

– Как маму схоронили, так меня на хутор и увезли, к дяде. Папа перед смертью как чуял, продал дом и всё поместье. Вот как сейчас помню, денег привёз полмешка. Пять миллионов. Всякие там были. Привёз, говорит – это тебе. А через полмесяца деньги поменялись. Я ими хату обклеивала.

Григорий сидел, слушал и слушал. Чужая жизнь развёртывалась перед ним. Далёкая, к нынешнему дню неприложимая. Но такая понятная жизнь. Он любил эти вечерние часы воспоминаний. Может быть, потому, что в сиротском детстве некому было рассказать.

Разговор шёл обо всём. Как раньше в поле работали. Как хлеб пекли.

– Содвинешь жар в зажётку, присыпешь. И так вот проверишь; мучки немного кинешь на под. Горит – значит рано. А не горит – самое время. Подметёшь хорошенько под и на капустные листья выкладываешь. Понаставишь...

Григорию всё было интересно: как дрожжи варили на хмелинах, как опару готовили. Как ставили тесто для пшеничного, для ржаного. Видя его интерес, тётка Варя говорила с улыбкой:

– Да я тебе испеку. В такой-то печке, конечно, не выйдет. Но попытаем. У Кати хмелины есть, она говорила. Я заварю, и ты поглядишь. И опару. Мы, я помню, пили опару. Кислая такая, вкусная...

Тётка Маня уходила в сумерках.

– Сидим... И ты, мой хороший, сидишь, слушаешь нас, старых дураков. Дай тебе бог...

Много она желала хорошего. Потом уходила. За нею и тётка Варя. А Григорий долго не спал. Всё сидел во дворе. Ночи были разные год от года. Лунные и тёмные. Но всегда тишина вокруг лежала, покой. Собака забрешет, кто-то засмеётся молодо, чей-то говор невнятный – и всё. Лягушечьи трели вдали, редкий крик ночной птицы.

Кажется, ещё никогда в жизни, за сорок лет своих, Григорий не сживал вот так ночью, один, в спокойном раздумье. Как хорошо думалось и как светло...

Думалось о детях, о дочери, о сыне. Григорий загадывал, что когда сын немного повзрослеет, надо привезти его сюда. Приехать вместе. Не рассказывать ничего. Как рассказать... а просто приехать, пожить неделю, пусть поработает и поймёт. Он должен понять. И мужчине это надо, потому что мужики, особенно по молодости, бывают жестокими. А надо, чтобы он кого-то жалел, тогда не будет жестокости.

Григорий думал о жизни своей и видел её далеко вперёд. Прошлую оглядывал, пытаясь переиначить. Переиначить невозможно. Но кто запретит помечтать? И в мечтах он строил иногда другую жизнь. В неё он забирал жену свою – другой не надо – и детей. Но часто менял работу. Хотелось ему агрономом стать... или лесником. Нет, не одиноко жить, а с людьми, но работать в лесу, руками, на свежем воздухе. Хотя, по правде говоря, он не столь уж и хаял свою нынешнюю профессию сварщика. Он знал её и любил и потаясь, но гордился, что он – хороший сварщик. Он всё мог сделать: намертво проварить полуметровую болванку или рыболовный крючок к блесне «прилепить», тонкая работа, почти невозможная, а он делал такое. Об этом рассказывали по заводу.

А лесничество, что ж... Там ведь тоже нелегко. И какой-нибудь человек, лесник, может, тоже мечтает о чём-то другом. Как угодить...

Не хотелось спать. Прошедший день, только что прожитый, уже казался далёкой сказкой. Щебет ласточек... Их высокий, стремительный лёт. Как давно он не видел ласточек! А теперь они строились рядом, под кухонной застрехой. И целый день щебетали рядом.

А высоко в небе, в далёкой синеве тоже день-деньской нежный перезвон золотистых щуров слышался. Их было в этом году множество. И они все позванивали, позванивали в небесной вышине с утра до ночи.

Трудно было уйти от такого дня. И так хорошо думалось, что не хотелось спать. Будет ещё время выспаться, будет.

Григорий выходил за ворота. Узкий серпик золотистого месяца висел в небе, а рядом – звезда золотая. Приземистый клён листьев ещё не распустил. Но зацвёл. И теперь ночью можно было тронуть рукой шёлковые, ласковые, как ребячьи волосы, пряди кленового цвета.

Он стоял у ворот, не решаясь уйти дальше. Ведь в растворённом доме тётка Варя спала. Да и куда идти? И так хорошо стоять, думать.

Он целый год потом вспоминал эти ночи. И многое из передуманного помогало жить.

И он твёрдо знал, что каждый год будет приезжать сюда, пока не помрёт тётка Варя. А уж помрёт, тогда незачем. Хотя и жаль... Но когда это будет...

Десять дней отпуска. Два дня в дороге – туда и обратно. Сутки на всякий случай, в запас.

Заводские друзья всегда расспрашивали о весенней рыбалке на Дону. И он рассказывал про Дон, про рыбацкие удачи. Правды он никому не говорил. Даже жене. Не то чтобы он не верил ей... Но как рассказать...